

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Оригинальное исследование

Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн

Рыжов И.В. , **Трубицин К.А.** Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, Swat2020@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в контексте гибридных войн. Основная цель – исследовать изменения в подходах к обеспечению безопасности на фоне развития гибридных войн и новых вызовов международной стабильности. В работе применяются методы анализа современной международно-правовой базы, а также обзор актуальных примеров гибридных конфликтов. Важнейшим результатом стало выявление ключевых направлений модернизации инструментов обеспечения безопасности, включая адаптацию правовых норм и практик, направленных на предотвращение и реагирование на гибридные угрозы. Исследование подчеркивает значимость комплексного подхода к обеспечению безопасности в условиях глобализации и технологического развития.

Ключевые слова: гибридные войны, международная безопасность, национальная безопасность, модернизация инструментов безопасности, международное право, противостояние угрозам, адаптация правовых норм

Для цитирования: Рыжов И.В., Трубицин К.А. 2025. Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 233–244. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Transformation of Instruments for Ensuring International and National Security in the Conditions of Hybrid Warfare

Igor V. Ryzhov , **Konstantin A. Trubitsin**

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, Swat2020@mail.ru

Abstract. This article explores the transformation of instruments for ensuring international and national security in the context of hybrid warfare. The primary objective is to examine the shifts in security measures amidst the evolution of hybrid wars and emerging challenges to international stability. The methodology includes the analysis of the contemporary international legal framework and review of current instances of hybrid conflicts. A critical finding is the identification of key directions for the modernization of security instruments, encompassing the adaptation of legal norms and practices aimed at preventing and responding to hybrid threats. The research highlights the importance of a comprehensive approach to security in an era of globalization and technological advancement.

Keywords: hybrid warfare, international security, national security, security instruments modernization, international law, threat counteraction, legal norms adaptation

© Рыжов И.В., Трубицин К.А., 2025

For citation: Ryzhov I.V., Trubitsin K.A. 2025. The Transformation of Instruments for Ensuring International and National Security in the Conditions of Hybrid Warfare. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 233–244 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования определяется наблюдаемым размытием критериев, на базе которых классифицируются угрозы международной и национальной безопасности, и в рамках общего направления исследования – необходимостью адаптации инструментов обеспечения безопасности к новой конъюнктуре международных отношений. Несмотря на то, что международным правом были закреплены базовые признаки войны, модернизация данного явления создала условия для развития форм противостояния, прямо не относящихся к войне (и лежащих, таким образом, вне поля регулирования международного права). На 2021 год множество военнослужащих различных государств вовлечены в боевые действия, антитеррористические операции и иные силовые меры, направленные на разрешение политических конфликтов. Параллельно с высокой активностью в сфере военных действий на рубеже XXI в. повысилась напряженность на Ближнем Востоке, стали развиваться новые формы противостояний (в т. ч. так называемые «гибридные войны»¹⁵⁸). Всё это требует уточнения понятийного аппарата войны в международном праве с учетом актуальных реалий мировой политической обстановки.

Целью работы является рассмотрение феномена трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях современной конъюнктуры международных отношений. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- дать характеристику сущности войны и военным действиям как категориям международного права;
- рассмотреть актуальные проблемы трактовки войны как проблемы в теории международных отношений;
- оценить основные векторы трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности.

Предметом исследования выступает война как проблема теории международных отношений. Объектом исследования выступает международное гуманитарное право как источник международного регулирования вопросов мира и безопасности.

Проблематику войны в теории международных отношений можно характеризовать как хорошо изученную. При подготовке работы использовались такие международно-правовые источники, как Гагская и Женевская конвенции, а также работы следующих авторов: С.В. Голованов, А.И. Горячева, Э. Давид, И.К. Джиева, А.Я. Зайцев, Ю.П. Ивонин, А.А. Ирихин, А.Л. Кузьминых, А.А. Мишкуро, А.И. Никитин, И.В. Очкасова, И.В. Рыжов, К.Л. Сазонова, В.Н. Старцун, В.В. Толстых, И.В. Шамин и других.

Объект и методы исследования

Объектом и предметом исследования в данной статье являются военные конфликты и их влияние на мировую политику и экономику, а также анализ последствий этих конфликтов для международных отношений и внутреннего развития стран, участвующих в

¹⁵⁸ Гибридная война (англ. hybridwarfare) – вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника.

конфликтах. В исследовании применяются такие общенаучные методы, как анализ и обобщение, индукция, кейс-стади и контент-анализ международно-правовых документов.

Результаты и обсуждение

Война как средство реализации внешней политики неразрывно связана с развитием общества. В исторический период формирования норм и обычаев международного права, регламентирующих законы и практику ведения военных действий, ключевую роль играли государства с наиболее мощными вооружёнными силами. Они определяли подходы к вопросам объявления, завершения и регулирования военных конфликтов, а также модели поведения победителей в отношении побеждённых и их имущества [Очкасова, 2017]. Одной из важных проблем, связанных с международными отношениями и вопросами военных действий, является неопределенность в терминологии, используемой для характеристики конфликтов. В контексте формирования норм и практик международного права, регулирующих применение силы в военных конфликтах, возникает проблема терминологической неоднозначности понятия «вооружённый конфликт». Различные участники событий могут вкладывать в этот термин отличающиеся друг от друга смыслы, что может приводить к разногласиям и недопониманию.

Так, одна сторона может обозначать как вооружённый конфликт борьбу с террористическими группировками, тогда как для другой стороны подобные действия будут трактоваться как акты терроризма. Разночтения в толковании данного термина затрудняют выработку единых подходов к регулированию вооружённых конфликтов и ведут к необходимости уточнения и согласования определений на международном уровне.

Важно различать термины «вооруженный конфликт» и «война», поскольку последний подразумевает официальное состояние вооруженного противостояния между государствами, что имеет серьезные политические и юридические последствия. Четкое определение терминов и их понимание помогут избежать недопониманий и споров в случае вооруженных конфликтов. Кроме того, важно развивать общепринятые стандарты и правила поведения в международных отношениях, чтобы предотвратить развитие более серьезных конфликтов и обеспечить международный мир и стабильность. Сфера международного права, которая занимается вопросами регулирования военных конфликтов, претерпевала значительные изменения в ходе эволюции мирового сообщества и прогресса в области разработки вооружений. Эволюция технологий и вооружений, ориентированных на увеличение разрушительного потенциала, привела к возрастанию потребности в международном регулировании вооружённых конфликтов. Этот процесс объясняет усиленное внимание мирового сообщества к проблемам войны в начале XX века, когда на вооружение были приняты такие методы ведения боевых действий, как химическое оружие [Голованов, 2012; Кузьминых, 2013].

Международное право регулирует проведение военных операций с целью защиты гражданского населения и объектов критической инфраструктуры, а также ограничения применения жестоких методов ведения боевых действий и других связанных аспектов. Эта область права охватывается разнообразными источниками, включая нормативные акты, международное гуманитарное право, договоры и конвенции.

Ключевую роль в правовом регулировании вооружённых конфликтов играет международное гуманитарное право, базирующееся на международных договорах, а также нормах и принципах гуманизма. Оно определяет порядок ведения боевых действий и распространяет своё действие на все стадии конфликта: от его начала до завершения, включая периоды оккупации и постконфликтного урегулирования [Давид, 2011].

Несмотря на наличие множества источников правовых норм, касающихся войны, все еще не существует универсального и однозначного определения этого понятия, что отражает сложность и многообразие аспектов международных отношений в ситуациях

вооруженных конфликтов. Для задания общих теоретических основ объекта регулирования рассмотрим сущность войны и связанные с ней термины, а также их отображение в МГП. Война представляет собой многозначный термин, под которым могут пониматься:

- средство осуществления внешней политики и разрешения международных противоречий и споров [Наставление по международному...];

- средство навязывания своей воли оппонентам различными субъектами политики.

При этом субъектами политики в данном случае могут выступать как государства (в случае регулируемой МГП межгосударственной войны), так и иные акторы (к примеру, повстанческие формирования в случае внутригосударственной войны);

- вооружённый конфликт, в котором соперничающие группы обладают достаточно равными силами, чтобы сделать исход сражения неопределённым;

- общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными методами, подчиняющееся своим законам.

Итак, войну можно представить в двух основных аспектах: как средство и как явление. Средством войны служит организованная вооруженная борьба, а цели лежат в плоскости целей сторон войны, представленных политическими субъектами той или иной формы.

В начале XX в. (особенно после окончания Первой мировой) была предпринята попытка окончательного вытеснения войны как средства разрешения межгосударственных споров в некое «маргинальное» поле. При этом одна из форм войны – оборонительная, т. е. направленная против внешнего агрессора, – признавалась легитимной. Логично, что именно такая трактовка войны была закреплена в тот период времени – именно войны были одним из активно используемых средств внешней политики, а происходили они преимущественно в межгосударственной форме в условиях недостаточно нормативно закреплённых отношений по вопросам межгосударственных границ. Как следствие, изначальное регулирование вопросов войны характеризовалось следующими недостатками [Толстых, 2017]:

- недостаточно конкретно была определена сущность войны. Это закономерно привело к тому, что после принятия соответствующих норм международного права реализация внешней политики стран средствами вооруженной борьбы не прекратилась, но не принимала форму войн (т. е. не декларировался соответствующий факт агрессии со стороны субъекта политики). Примером проявления таких войн (которые с точки зрения международного права войнами на тот момент признаны не были) можно назвать нападение японских войск на Китай (1930-е гг.);

- недостаточно проработан вопрос материального запрета применения силы с точки зрения принуждения к миру (вопрос санкций или вмешательства третьей стороны (кроме конфликтующих) в военные действия).

В процессе эволюции международного права, касающегося вооружённых конфликтов, произошло расширение понятийного аппарата. В Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года и дополнительных протоколах 1977 года наряду с понятием «война» был введён термин «вооружённый конфликт» [Женевская конвенция...]. Со временем оба термина стали использоваться в международно-правовой практике как синонимы.

Несложно заметить, что развитие международного права в данной сфере совпадает с разрушительными последствиями масштабных войн (Второй мировой войны) и пытается адаптироваться к военной активности стран без объявления войны.

Характерно, что существенного развития вопросы терминологии войны, ее атрибутов и прочих характеристик не получили. Развитием международного права по вопросам войны стали:

- акты, регламентирующие вопросы ликвидации последствий войны (гуманитарная помощь и т. п.). В пункте 4 ст. 2 Устава ООН закреплён запрет применения любой силы в международных отношениях, а не только «война в правовом смысле». Это явилось реакцией на существенно возросшую политическую напряженность в мире;

– акты, регламентирующие невоенные способы внешней политики государств (способы принуждения к соблюдению норм международного права), а также вопросы способов воздействия на страны, нарушающие международное гуманитарное право;

– учреждение организаций, прямо или косвенно участвующих в решении военных вопросов. В частности, была закреплена монополия Совета Безопасности ООН на принятие решений о применении вооруженной силы.

Современный уровень развития международных отношений в вопросах войны и связанных понятий в настоящее время позволяет назвать легальной лишь оборонительную войну, а в качестве способов воздействия на страну, нарушающую свои международные обязательства, закрепляет лишь политические, дипломатические и иные средства, но не при помощи вооруженной силы.

Терминология в международном праве, которая касается военных действий, претерпевает изменения в соответствии с эволюцией политического и идеологического ландшафта. Отмечается стремление пересмотреть восприятие войны и исключить её из списка приемлемых методов урегулирования международных разногласий.

В прошлом война рассматривалась как допустимый инструмент внешней политики и решения конфликтов между государствами. Однако в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций она признана незаконной в современных международных отношениях.

Многие исследователи указывают на несоответствие современной системы международных отношений изменившимся политическим реалиям и правовым нормам, регулирующим взаимодействие государств.

В литературе подчёркивается, что, несмотря на её историческую значимость, действующая международная система требует пересмотра и адаптации к актуальным глобальным вызовам. В качестве одного из возможных решений рассматривается формирование многополярной мировой системы, способной учесть многообразие геополитических интересов на международной арене [Ватаман, 2015; Ирхин, 2015]. Подчеркивается частичное несоответствие между институтами, призванными обеспечивать мир и безопасность, и современными реалиями глобальной политики, что заслуживает внимания и обсуждения для совершенствования международной системы и правовых норм.

Следует подчеркнуть, что термины «война» и «вооружённый конфликт» не тождественны. Категория «вооруженный конфликт» шире и включает в себя различные геополитические события, в том числе «войну» [Мишкуро, 2016]. Существуют разнообразные формы вооруженных конфликтов, начиная от военного давления ради мирного урегулирования более развитых и мощных в военном плане держав менее «сильных» стран до вмешательства, репрессий против меньших государств и внутренних конфликтов, таких как мятежи, восстания или гражданские войны, в зависимости от количества и типа участников, а также масштаба происходящих событий.

Отметим также, что XXI век привнес совершенно новый вид войн – «информационную войну». Такие конфликты не подразумевают вооруженного противоборства вовсе, однако являются важнейшей составляющей более масштабного явления – «гибридной войны», поэтому нельзя не брать их в расчет при выработке соответствующей терминологической базы [Горячева, Мачнев, 2023].

Существующая терминологическая проблема создает условия для фактического ведения войн и невозможности их классифицировать как таковые (а следовательно, невозможности полного распространения на субъекты политики средств принуждения к миру). В статье 1 III Гаагской конвенции об открытии военных действий, принятой в 1907 году, действительно указывается на необходимость официального объявления войны как на один из признаков военных действий [Гаагская конвенция...]. Объявление войны зачастую ведёт к разрыву дипломатических связей между странами-участницами конфликта, в результате чего

многие международные соглашения могут временно перестать действовать или утратить актуальность.

На практике же данная норма создает возможность для стран, формально не объявляющих войну, сокращать распространение норм международного права.

В 1949 году под эгидой ООН была сформулирована концепция международного вооруженного конфликта, ключевым элементом которой является наличие реального конфликта. Эта концепция предполагает применение определенных правил при наличии конкретных обстоятельств. В результате была разработана новая теория, уточняющая условия, при которых правила о вооруженных конфликтах становятся применимыми.

В международных нормативно-правовых актах, регулирующих гуманитарное право, при описании способов урегулирования международных и внутригосударственных конфликтов с применением военной силы обеими сторонами используются термины «военный конфликт» и «вооружённый конфликт». Под «военным конфликтом» понимаются различные формы вооружённых столкновений, осуществляемых в целях достижения политических целей, включая войны. В отличие от термина «война», который не имеет чёткого правового определения в международных документах, термин «вооружённый конфликт» имеет строгое юридическое закрепление в международных правовых нормах [Вите, 2009].

Несмотря на прогрессивные нормы международного права, запрещающие применение силы в решении международных споров, в современном мире наблюдается высокая динамика вооруженных конфликтов, в которых активно участвуют влиятельные государственные и военные структуры, включая Россию. Международные организации проводят целый комплекс миротворческих операций, применяя для этого значительный контингент военного и полицейского персонала и гражданских специалистов.

Эффективное решение вооруженных конфликтов требует комплексного подхода, включающего в себя дипломатические переговоры, мирные соглашения, гуманитарную помощь и меры по обеспечению безопасности гражданского населения. Решение международных конфликтов нередко затрудняется сложностью политических, этнических и религиозных факторов, которые лежат в основе данных конфликтов.

Важность международного сотрудничества и диалога в решении вооруженных конфликтов неоспорима. Также имеет значение учет интересов всех сторон конфликта и достижение компромиссов и справедливого урегулирования споров. Для стабилизации ситуации и обеспечения мира необходимо активно работать над устранением причин конфликтов, развитием международного сотрудничества и повышением взаимопомощи и солидарности между государствами мира [Никитин, 2017].

Современная геополитическая ситуация создаёт значительные препятствия на пути реализации целей запрета применения военной силы в рамках норм международного права. Очевидно, что идеал полного прекращения вооружённых конфликтов в условиях текущей мировой политической системы остаётся недостижимым. Конец XX века ознаменовался обострением международной геополитической напряжённости, что привело к возникновению многочисленных военно-политических конфликтов.

В современных условиях международных отношений особенно остро стоит вопрос выбора эффективных инструментов для обеспечения международной и национальной безопасности.

Основной проблемой классификации войны в теории международных отношений, как видится, выступает некоторое несоответствие системы международных отношений актуальной их практике. Важным аспектом, подтверждающим сложности в сфере международных конфликтов, является проблема терминологии войны. Существует ряд военных действий в мире, которые не расцениваются как прямая война, но имеют серьезные последствия для гражданского населения и не полностью подпадают под нормы международного гуманитарного права. Эти действия, например, характеризуются как

вооруженные конфликты, боевые действия или другие термины, что усложняет их правовое регулирование и защиту гражданских лиц.

Ряд исследователей отмечает наличие разрыва между текущим состоянием международных отношений и изменениями, происходящими в глобальном политическом контексте, а также правовыми нормами, регулирующими взаимодействие между государствами. Они подчёркивают, что, несмотря на её историческую значимость, существующая система международных отношений нуждается в пересмотре и адаптации к современным вызовам. Одним из предложенных путей модернизации является создание многополярной политической структуры, способной учесть многообразие геополитических интересов на мировой арене. Это позволит более эффективно урегулировать международные конфликты и обеспечить мир и стабильность в мире [Ватаман, 2015; Ирхин, 2015]. Подчеркивается частичное несоответствие между институтами, призванными обеспечивать мир и безопасность, и современными реалиями глобальной политики, что заслуживает внимания и обсуждения для совершенствования международной системы и правовых норм.

Также в качестве одной из проблем для классификации современных войн можно назвать применение традиционных категорий МГП, разделяющих участников войны на комбатантов и некомбатантов, к таким новым участникам современных боевых действий, как, например, члены террористических или повстанческих организаций [Чернядьева, 2016]. Особый интерес в рамках данного вопроса представляет определение правового статуса сотрудников частных военных компаний (ЧВК), без чьего деятельного участия уже практически невозможно представить современный, в особенности гибридный конфликт, одна из сторон которого желает минимизировать свои внутренние и внешние репутационные потери, передавая определенные операции или отдельные задачи в «частные» руки [Зайцев, 2021].

Концепция права народов на самоопределение, утверждённая ООН в 1960-х годах, изначально была направлена на регулирование статуса подопечных и несамоуправляющихся территорий, преимущественно колоний. Однако в современную эпоху проблема таких территорий практически утратила свою актуальность, что свидетельствует о снижении значимости этого вопроса и механизмов его разрешения, включая одобрение ООН для признания суверенитета новых государств. ООН столкнулась с ситуациями, когда провозглашённый ею принцип самоопределения народов оказался трудно реализуемым. Ярким примером такого противоречия стало её сопротивление так называемому «параду суверенитетов», сопровождавшему распад Советского Союза и Югославии [Джигоева, 2013].

Конфликт в Косово стал символом сложных противоречий, связанных с реализацией права на самоопределение и соблюдением территориальной целостности государств. Он также продемонстрировал недостатки международных механизмов урегулирования подобных ситуаций. Несмотря на вмешательство международных сил и последующее провозглашение независимости Косово в 2008 году, вопрос признания его статуса остаётся спорным на международной арене. Различные страны, включая Россию и Китай, продолжают поддерживать позицию о непризнании Косово, ссылаясь на принцип нерушимости границ, в то время как другие государства признали его независимость, исходя из права на самоопределение.

Этот пример подчёркивает сложность поиска баланса между двумя ключевыми принципами международного права и указывает на необходимость дальнейшего развития правовых механизмов, способных адекватно реагировать на такие вызовы, сохраняя стабильность и мир в регионах с этническими и национальными противоречиями.

Возможно, сейчас наступил момент для обновления норм международного права с целью создания эффективной системы осуществления права народов на самоопределение.

Разрастание политических противоречий между геополитическими центрами на мировой арене существенно влияет на военную обстановку.

Геополитические акторы, стремящиеся увеличить свою политическую, экономическую и военную мощь, все чаще распределяют ресурсы в регионах политической нестабильности и в некоторых случаях могут даже способствовать возникновению подобных ситуаций. Очевидно, что, найдя лазейки в международном гуманитарном праве, указанные геополитические центры активно используют и будут продолжать использовать свою военную мощь для достижения своих политических целей на территории других стран [Сазонова, 2014; Рувинский, 2016; Сазонова, 2016].

Ярким примером подобных силовых решений можно считать современную архитектуру региональной безопасности на Ближнем Востоке – агрессивное вмешательство ряда западных стран во главе с США во внутренние дела региона на протяжении последних 30 лет превратило его в одну большую зону нестабильности, в которой то и дело вспыхивают все новые и новые конфликты, порождая тем самым новые поводы для вмешательства различных государств из других регионов. Российский ученый И.В. Рыжов, комментируя проекты по созданию системы региональной безопасности на Ближнем Востоке, подчеркивает, что это уже и вовсе невозможно без участия игроков извне [Рыжов, Бородин, Савичева, 2023].

В условиях нарастающей глобальной конфронтации международного сообщества становится всё более очевидной низкая вероятность выработки единой позиции в отношении критериев классификации вооружённых конфликтов и их различных форм. Недавние события, такие как негативная реакция стран Запада на воссоединение России с Крымом, Донецкой и Луганской Народными Республиками, Херсонской и Запорожской областями, а также референдум о независимости Каталонии и неурегулированные вопросы в Ирландии ярко демонстрируют существование двойных стандартов в международных подходах к различным ситуациям.

Эти случаи подчёркивают необходимость пересмотра критериев классификации вооружённых конфликтов, поскольку от этого зависит признание их последствий. Особое внимание уделяется вопросу легитимности вмешательства стран мирового сообщества в политические, социальные и внутренние процессы суверенных государств. Дискуссии о том, где проходит граница между допустимым вмешательством и нарушением суверенитета, усиливаются на фоне глобальных политических изменений, что создаёт дополнительные вызовы для международного права и безопасности. В итоге всё чаще ставится вопрос о том, насколько оправданы международные интервенции и как они соотносятся с принципами, провозглашёнными в Уставе ООН.

Особую актуальность описанная в данной статье проблема приобретает в свете опубликованных в марте 2021 года «Временных указаний по стратегии национальной безопасности США», в которых американские стратеги ввели понятие «Пространство вооруженного конфликта или же «серой зоны», которое, по их мнению, должно обозначать принципиально новую форму «непрямой» геополитической борьбы с неугодными Соединенным Штатам государствами посредством вооруженной или невооруженной борьбы, или, как описал данное понятие российский исследователь И.В. Шамин, «Управляемый силовой и/или вооруженный конфликт» [Шамин, 2023].

Заключение

Война является инструментом внешнеполитической стратегии и методом урегулирования международных конфликтов и разногласий, а также социо-политическим феноменом, который представляет собой продолжение политических действий с использованием силы и подчиняется определенным правилам. Она ведется через

организованное вооруженное противостояние, цели которого определяются интересами участвующих в конфликте политических групп или государств.

Международные отношения в сфере военных конфликтов и аналогичных действий регулируются международным гуманитарным правом. Развитие международного гуманитарного права было стимулировано повышением уровня геополитической напряженности в мире в начале XX века, созданием системы международных договоров и организаций, а также увеличением угроз применения массового разрушительного оружия.

Результатом совместных действий стран стало формирование совокупности нормативных актов, регламентирующих запрет любых войн, кроме оборонительных, а также формализация механизма международного вмешательства в сфере принуждения стран к миру.

Хотя международное гуманитарное право и прочие юридические документы, касающиеся военных действий, обширны, война продолжает использоваться как метод решения политических дилемм. Это связано с наличием множества конфликтов, которые выходят за пределы разрешения через международное право, включая споры о территориях, статусе непризнанных государств и угрозу от стран с оружием массового уничтожения.

Некоторые из проблем, возникающих в международной арене, связаны с противоречиями между различными нормами международного права, такими как право на самоопределение и принцип территориальной целостности. Эти противоречия часто лежат в основе локальных конфликтов за последние десятилетия. Кроме того, важной задачей является адаптация норм международного права к нынешним геополитическим реалиям.

Существующая концепция международного вооруженного конфликта, основанная на фактическом наличии конфликта и запрете ведения войны, не всегда обеспечивает эффективные методы предотвращения военных способов решения политических проблем.

Несмотря на широкое согласие на международном уровне по отношению к отверганию войны, крупнейшие мировые державы часто применяют военные действия в других странах, иногда нарушая международное право и оставаясь без серьезных последствий или встречая ограниченный отклик на такие действия. Следовательно, имеется потребность в дальнейшем изучении проблемы войны в контексте международных отношений для разработки более эффективных подходов к ее предотвращению.

Список источников

- Гагская конвенция от 18 октября 1907 года об открытии военных действий [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20791161/19877157/> (дата обращения: 04.04.2024).
- Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 04.04.2024).
- Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Министром обороны РФ 08.08.2001) (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») / СПС Консультант [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=309311#0> (дата обращения: 04.04.2024).

Список литературы

- Ватаман А.В. 2015. Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства. Власть, 2. 44–47.
- Голованов С.В. 2012. Средства ведения войны в международном гуманитарном праве и международно-правовой статус участников вооруженных конфликтов. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки, 14: 141–144.

- Горячева А.И. 2023. Информационная война как элемент гибридной войны. Скиф. Вопросы студенческой науки, 5(81): 168–172. EDN IXWXDI.
- Давид Э. 2011. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2011/ru/135478> (дата обращения: 27.11.2024).
- Джигоева И.К. 2013. Предпосылки образования непризнанных государств на постсоветском пространстве. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 1(27): 285–292.
- Зайцев А.Я. 2021. Частные военные компании как инструмент осуществления силовой стратегии гибридных войн. Вестник Московского государственного областного университета, 3: 72–82. doi: 10.18384/2224-0209-2021-3-1080. – EDN BXVHTH.
- Ирхин А.А. 2015. Глобальные и региональные тенденции формирования новой системы международных отношений. Причерноморье. История, политика, культура, 17: 137–141.
- Кузьминых А.Л. 2013. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц. Вестник института: преступление, наказание, исправление, 4(20): 77–80.
- Мишкуро М.А. 2016. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве. Молодой ученый, 8(112): 763–765.
- Никитин А.И. 2017. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: М.: Аспект-Пресс, 384.
- Очкасова И.В., Юдина Т.Ф. 2018. Право войны в контексте источников отечественного и международного права: исторический аспект. Юридический вестник Самарского университета, Т. 3. № 2: 9–16.
- Рувинский Р.З. 2016. Отражение доктрины «справедливой войны» (*bellum justum*) и понятия «незаконного врага» (*hostis injustus*) в современном международном праве. Международное право, 1: 1–12. doi: 10.7256/2306-9899.2016.1.16948
- Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Савичева Е.М. 2023. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 15(2): 418–435. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.213>
- Сазонова К.Л. 2016. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны». Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 1(56): 98–105. doi: 10.12737/18192
- Сазонова К.Л. 2014. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве. Журнал российского права, 5(209): 117–125. doi: 10.12737/3468
- Сильван Витэ. 2009. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).
- Толстых В.В. 2017. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве. Academy. 3(18): 57–63.
- Чернядьева Н.А. 2018. О допустимости в международном праве термина «война с терроризмом». Военное право, 5(45): 240–246.
- Шамин И.В. 2023. Технология «управляемый гибридный вооруженный конфликт» как инструмент ведения «непрямой» геополитической борьбы в условиях «холодной войны – 2». Наследие В.Г. Короленко Стратегии гуманизма. Сборник материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией А.Н. Фортунатова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 525–533.

References

- Vataman A.V. 2015. Formirovanie novoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij i nepriznannye gosudarstva [The Formation of a New System of International Relations and Unrecognized States]. Vlast, 2: 44–47.
- Golovanov S.V. 2012. Sredstva vedenija vojny v mezhdunarodnom gumanitarnom prave i mezhdunarodno-pravovoj status uchastnikov vooruzhennyh konfliktov [Means of Warfare in International Humanitarian Law and the International Legal Status of Parties to Armed Conflicts]. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki, 14: 141–144.

- Goryacheva A.I. 2023. Informacionnaya voina kak element gibridnoy voyny [Information Warfare as an Element of Hybrid Warfare]. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*, 5(81): 168–172. EDN IXWXDI
- David Je. 2011. Principy prava vooruzhennykh konfliktov: Kurslekcij, pročitannykh na juridicheskom fakul'tete Otkrytogo Brjussel'skogo universiteta [Principles of the Law of Armed Conflict: A Course of Lectures at the Faculty of Law of the Open University of Brussels]. [Web resource]. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2011/ru/135478> (accessed: 27.11.2024).
- Dzhioeva I.K. 2013. Predposylki obrazovaniya nepriznannykh gosudarstv na postsovetskom prostranstve [Prerequisites for the Formation of Unrecognized States in the Post-Soviet Space]. *Vestnik Volzhskogo universiteta*. V.N. Tatishheva, 1(27): 285–292.
- Zaytsev A. Ya. 2021. Chastnye voennye kompanii kak instrument osushchestvleniya silovoi strategii gibridnykh voyn [Private Military Companies as a Tool for Implementing the Force Strategy of Hybrid Wars]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 3: 72–82. doi: 10.18384/2224-0209-2021-3-1080. - EDN BXBHTH
- Irhin A.A. 2015. Global'nye i regional'nye tendentsii formirovaniya novoy sistemy mezhdunarodnykh otnoshenij [Global and Regional Trends in the Formation of a New System of International Relations]. *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura*, 17: 137–141.
- Kuz'minyh A.L. 2013. Mezhdunarodnoe pravo i «uznikivojny»: problema pravovoj zashhity voennoplennykh i internirovannykh lic [International Law and Prisoners of War: The Problem of Legal Protection of Prisoners of War and Internees]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 4(20): 77–80.
- Mishkuro M.A. 2016. Sootnoshenie ponjatij «vojna» i «vooruzhennyj konflikt» v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Relationship between the Concepts of “War” and “Armed Conflict” in International Humanitarian Law]. *Molodoj uchenyj*, 8(112): 763–765.
- Nikitin A.I. 2017. Mezhdunarodnye konflikty: vmeshatel'stvo, mirotvorchestvo, uregulirovanie [International Conflicts: Intervention, Peacekeeping, Mediation]. Moskva: Aspekt-Press, 384 s.
- Ochkasova I.V., Yudina T.F. 2017. Pravo vojny v kontekste istochnikov otechestvennogo i mezhdunarodnogo prava: istoricheskij aspekt [The Law of War in the Context of Sources of Domestic and International Law: Historical Perspective]. *Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 3(2): 9–16.
- Ruvinskij R.Z. 2016. Otrazhenie doktriny «spravedlivoj vojny» (bellum justum) i ponjatija «nezakonnoho vraga» (hostis in justus) v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Reflection of the “Justified Warfare” Doctrine (bellum justum) and the Term “Illegal Hostile” (hostis in justus) in the Modern International Law]. *Mezhdunarodnoe pravo*, 1: 1–12. doi: 10.7256/2306-9899.2016.1.16948
- Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Savicheva E.M. 2023. Blizhnij Vostok: poisk novoj arhitektury bezopasnosti v menjajushhemsja mire [The Middle East: Seeking a New Security Architecture in a Changing World]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 15(2): 418–435. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.213>
- Sazonova K.L. 2016. Amerikanskaja doktrina mezhdunarodnogo prava: vozrozhdenie koncepcii «spravedlivoj vojny» [The American Doctrine of International Law: The Resurrection of the “Justified Warfare” Concept]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 1(56): 98–105. doi: 10.12737/18192
- Sazonova K.L. 2014. Koncepcija «spravedlivoj vojny» v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Conception of the “Justified Warfare” in the Modern International Law]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 5(209): 117–125. doi: 10.12737/3468
- Sil'van Vitje. 2009. Tipologija vooruzhennykh konfliktov v mezhdunarodnom gumanitarnom prave: pravovye koncepcii i real'nyesituacii [Elektronnyj resurs] [The Typology of Armed Conflicts in the Modern Humanitarian Law: Legal Concepts and Real Situations] [Web resource] URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf> (accessed: 05.04.2024).
- Tolstyh V.V. 2017. Normativno-pravovoe zakreplenie ponjatija «vojna» v rossijskom i mezhdunarodnom prave [Normative and Legal Consolidation of the Concept of “War” in Russian and International Law]. *Academy*, 3(18): 57–63.
- Chernjad'eva N.A. 2017. O dopustimosti v mezhdunarodnom pravetermine «vojna s terrorizmom» [On the Admissibility in International Law of the Term “War on Terrorism”]. *Voennoe pravo*, 5(45): 240–246.
- Shamin I.V. 2023. Tehnologija «upravljaemyj gibridnyj vooruzhennyj konflikt» kak instrument vedeniya «nepriamoj» geopoliticheskoy bor'by v uslovijah «holodnoj vojny 2» [The Technology of «Indirect» Geopolitical Struggle in the Conditions of «Cold War 2»].

“Controlled Hybrid Armed Conflict” as a tool for Conducting “Indirect” Geopolitical Struggle in the Conditions of “Cold War 2”]. Nasledie V.G. Korolenko. Strategii gumanizma. Sbornik materialov Chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod redakciej A.N. Fortunatova. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU, 525–533.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Received 10.12.2024

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6417-1517](https://orcid.org/0000-0002-6417-1517)

Igor V. Ryzhov, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Трубицин Константин Андреевич, аспирант кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0006-2366-2893](https://orcid.org/0009-0006-2366-2893)

Konstantin A. Trubitsin, Postgraduate Student of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia